

Глава 6

Серафим, Вырицкий чудотворец

Преподобный Серафим (Муравьев)

(ум. 1949)

Но пусть величие и красота этой меры любви не приводит нас в уныние от мысли о нашей собственной нищете в любви. Те, кто показал великую меру этой добродетели, также были людьми, и все же эта огненная любовь оказалась для них доступной.

Н. Е. Пестов

...В сентябре 1941 года гитлеровские части, наступавшие на Ленинград, заняли станцию Вырица. Оккупационные войска, расквартированные здесь, состояли из румын, которыми командовали немецкие офицеры. Через несколько дней последним донесли, что в поселке есть некий полуживой старик, очень почитаемый русскими, потому что обладает даром ясновидения... Вскоре несколько офицеров в сопровождении переводчика подошли к дому № 24 по Пильному проспекту. Войдя в него, они увидели изможденного старца, полулежавшего на узкой кровати. Обернувшись к переводчику, немецкий капитан спросил; «Скоро ли наши войска пройдут победным маршем по Дворцовой площади?» Но не дожидаясь перевода, старец заговорил по-немецки: «Этого никогда не будет».

Знакомясь с жизнью этого подвижника, поражаешься тому, как хранил его Божий промысел. По тем дарам, которыми он обладал, по тому влиянию, которое он имел на тысячи и тысячи людей, Серафима Вырицкого можно смело причислить к ряду величайших русских святых – чудотворцев. Но предшественники старца приходили в другие, свободные от богоборчества столетия, а Серафим пережил революцию, годы террора, оккупацию... С самого начала великой войны каждый день, невзирая на холод и зной, ветер и дождь, семидесятипятилетний старец вставал на гранитный камень и коленопреклоненно, простирая руки к небу, молился о спасении Отечества.

Святой... Называя кого-то святым, мы ставим его на недостижимую высоту и словно бы лишаем свойств обычного человека. Но ведь святость не дается с рождения! Когда речь идет о подвижниках далекого прошлого, мы подчас ничего не знаем о том, как они жили в миру: их путь к святости совершенно скрыт от нас. Разумеется, нет ничего удивительного в том, что века не сохранили свидетельств о прежней жизни подвижника, когда он еще ничем не выделился из среды обычных людей. Но иное дело святые XX века: изучая их жизнь по множеству сохранившихся документов, мы имеем прекрасную возможность прикоснуться к этой тайне.

Передо мною фотографии Василия Николаевича Муравьева. На одной он с женой и сыном в вагоне поезда Берлин–Вена (ок. 1900); на другом семейном снимке сын уже одет в гимназический мундир; а вот портрет пятидесятилетнего Василия Николаевича (1916). Перед нами изящно одетый, преуспевающий петроградский купец. Правильная осанка, благородные черты лица, высокий лоб, интеллигентная бородка, усы. И хотя сразу отмечаешь его одухотворенный взгляд, все же видно, что это обычный человек – не сравнить с портретом последних лет, когда фотографическая пленка запечатлела уже

не лицо, а светящийся лик старца-схимника, в котором не осталось почти ничего земного... Я только что назвал пятидесятилетнего Василия Николаевича обычным человеком. А впрочем, так ли это?

Читая о В. Н. Муравьеве, узнавая факты из его жизни, невольно понимаешь, что из них складывается не биография, а житие. Другим словом и не повернется язык назвать это неспешное, уверенное восхождение к святости.

Житие Василия Муравьева

Вырицкий подвижник родился 31 марта 1866 года в деревне Вахромеево Ярославской губернии. Родители нарекли сына Василием. В детстве мальчик любил подолгу находиться в церкви и зачитывался житиями святых. Но вот, не дожив и до сорока лет, отец умирает. В десять лет Василий становится кормильцем семьи. Он отправляется на заработки в Петербург, где с помощью односельчанина получает работу рассыльного в одной из лавок Гостиного двора. С первых дней Василий проявляет такое усердие и исполнительность, что хозяин начинает поручать ему все более и более ответственные дела. Заработанные деньги мальчик посылает матери, а в свободное время посещает богослужения в петербургских храмах. Он уже в те годы мечтает о монашестве, но знаменитый старец-схимник Александро-Невской лавры благословляет его до поры жить в миру, жениться и воспитать детей.

В шестнадцать лет Василий становится приказчиком, через год – старшим приказчиком, т. е. первым заместителем хозяина, и в его отсутствие ведет все торговые дела. В будущем владлец дела рассчитывает на него как на компаньона, но в двадцать шесть лет Василий решает открыть собственное дело. В 1890 году он женится, через пять лет рождается первенец – сын Николай. Василий находит время получить прекрасное образование: в 1897 году он заканчивает Высшие коммерческие курсы. Через несколько лет купец 2-й гильдии Муравьев становится одним из крупнейших мехоторговцев столицы. Значительную часть товара он поставляет в Германию, Австро-Венгрию, Англию, Францию. Временами сам посещает аукционы в европейских столицах.

Так же налажено и спокойно протекает его семейная жизнь. Ольга Ивановна Муравьева помогает мужу вести дела. Они вместе посещают богослужения и вместе выполняют молитвенное правило, а по вечерам читают вслух Евангелие. Рабочий день в лавке начинается и заканчивается молитвой. Предприятие Муравьевых – одно из немногих в Апраксином дворе, где в дни главных церковных праздников торговля прекращается вовсе. Едва дело начинает приносить прибыль, Василий Николаевич выделяет значительные суммы Иверскому монастырю на реке Выксе в Нижегородской губернии. В доме Муравьевых в Казачьем переулке на иждивении хозяина постоянно живут одинокие люди, которых он переводит к себе из казенных больниц.

Его никогда не видят в раздражении или смущении; он всегда спокоен и терпелив и ничем не оскорбляет достоинства зависимых от него людей. Был в его доме и такой обычай: по церковным праздникам и в дни чтимых святых Муравьевы накрывали у себя столы с разнообразными кушаньями и зазывали с улицы неимущих. После чтения «Отче наш» Василий Николаевич произносил небольшую речь, разъясняя смысл наступившего праздника. Когда трапеза заканчивалась, он приглашал всех посетить их в следующий праздник, щедро наделяя гостей подарками и деньгами. Порой его бескорыстие удивляло супругу: Василий мог отдать незнакомому нищему новую вещь со своего плеча. Иной раз, видя, как муж жертвует большие суммы на дела милосердия, ей казалось, что Василий сознательно пытается разориться. Но его дела по-прежнему процветали...

Странные для окружающих поступки купца Муравьева имели свои причины. Первая заключалась в том влиянии, которое имел на него иеромонах Варнава из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры, духовным сыном которого долгие годы был Василий Николаевич, Варнава Гефсиманский, ныне прославленный в лике святых, был великим

старцем-утешителем. Сотни людей ежедневно приходили к дверям его кельи за советом и исцелением. Среди духовных детей старца Варнавы («сынков» и «дочек», как ласково называл всех старец) были многие известные люди, митрополиты, епископы, а также обер-прокурор Святейшего Синода и члены царской семьи. А петербургский купец был одним из любимейших учеников старца. Когда позволяли дела, Василий Николаевич спешил к своему наставнику в Гефсиманский скит; посещая Петербург, отец Варнава всегда бывал у молодого коммерсанта. Муравьев по-прежнему мечтал о монастыре, но старец только подтвердил слова схимника, сказанные Василию много лет назад: «Чадю! Сейчас ты нужнее здесь – посмотри, сколько обездоленных нуждаются в твоей помощи!»

Но, вынужденный оставаться в миру, Василий уже не мог жить по-старому. Вскоре после смерти второго ребенка (дочь Ольга прожила совсем недолго) по обоюдному согласию и благословению отца Варнавы супруги Муравьевы стали жить как брат и сестра. Василий всегда питался скромно, но теперь, помимо обычных среды и пятницы, он взялся соблюдать пост и в понедельник, как это принято в монастырях. Василию Николаевичу было тогда около тридцати лет.

В этом возрасте Василий Муравьев, несомненно, уже ясно представлял, что может дать ему мир, и... жил в нем как инок. Многие уже тогда замечали, что в этом петербургском купце есть что-то от старца. Особенно это впечатление усилилось после одной из поездок в Гефсиманский скит, Василий долго молился вместе с отцом Варнавой в его келье. Затем старец встал, трижды возложил ему на голову руки и вновь помолился. И тут в душе Василия Николаевича разлилось какое-то необыкновенное спокойствие, которое с тех пор уже не оставляло его; у него необычайно обострилось духовное зрение, окрепла и без того удивительная память.

Вторая причина его особых подвигов в миру заключалась в том влиянии, которое оказывал на Василия другой, уже скончавшийся старец – преподобный Серафим Саровский. Этот великий святой происходил из курских купцов. В своих поучениях отец Серафим часто обращался к словам и понятиям из обихода торговцев. «Выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары, – говорил он и пояснял: – Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради».

В июле 1903 года вся Россия съехалась на Саровские торжества. Открытие мощей преподобного старца Серафима сопровождалось огромным количеством исцелений и других чудес. Среди паломников, посетивших в те июльские дни Сэров, находился и Василий Николаевич Муравьев. Как великую святыню будет он потом до конца своих дней хранить икону, купленную тогда в Сарове. Икона эта изображала блаженную кончину великого старца: коленапреклоненный Серафим перед образом Божией Матери "Умиление".

Инок Варнава

В январе 1906 года тяжело больной отец Варнава приехал в Петербург. В последний раз видел Василий Муравьев своего наставника и друга. В начале февраля старец вернулся в Москву. Он едва мог говорить и с трудом передвигался, но по-прежнему принимал людей, искавших его совета и утешения. 17 февраля он начал принимать исповедь в Сергиево-Посадском доме призрения. Пригласив очередную исповедницу, Варнава Гефсиманский вошел в алтарь. Здесь он и был найден лежащим на левом боку лицом к престолу.

Тысячи людей по всей России почувствовали себя осиротевшими. А еще через два года умер святой и праведный Иоанн Кронштадтский, предсказавший России – если она не покается – невиданные войны и смуты. Вскоре слова его стали сбываться... Пронеслись две революции; у власти встали большевики. Тысячи русских людей из дворян, купцов, духовенства предпочли тогда покинуть Россию. При тех коммерческих талантах, которыми обладал Василий Николаевич Муравьев, ничто не мешало ему перевести свои капиталы за границу, а затем вложить в какое-нибудь дело за рубежом. Дела его по-прежнему были в

полном порядке: он владел процветающим предприятием. Но, к удивлению многих, Муравьев поступает иначе: закрывает свое дело, наделяет щедрыми пособиями всех служащих, а основные капиталы жертвует на нужды Александро-Невской лавры, Воскресенского Новодевичьего женского монастыря в Петербурге и Иверского Выксунского женского монастыря, основанного иеромонахом Варнавой, старцем Гефсиманского скита. Долгая жизнь в миру, предсказанная схимником, подходила к концу... Сын Василия Николаевича уже вырос и получил офицерский чин: в годы Первой мировой Николай Муравьев служил авиатором в русской армии. А старшему Муравьеву в 1920 году исполнилось пятьдесят четыре года.

Поначалу он думал принять постриг в Троице-Сергиевой лавре – у мощей своего учителя. Но неожиданно правящий архиерей епархии благословил его стать иноком Александро-Невской лавры. Этим архиереем был тогда святой Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский. Такой поворот спас Василия Николаевича, потому что вскоре вся братия обители преподобного Сергия была репрессирована.

В августе 1920 года Муравьев передает лавре целое состояние – двадцать пять тысяч рублей в золотой монете. Он вступает в число послушников и начинает подвизаться там в качестве причетника, или пономаря, – низшего служителя при церкви.

Ольга Ивановна Муравьева поступила в Воскресенский Новодевичий монастырь, тоже поначалу послушницей. А монашеский постриг супруги приняли в один день: 16 октября 1920 года. Ольга получила имя Христины, а Василий – Варнавы, в честь святого апостола Варнавы и в память о духовном отце. Совершал постриг святой Вениамин Петроградский, до мученической кончины которого оставалось всего два года...

Вскоре брата Варнаву рукоположили в иеродиакона и возложили на него послушание заведующего кладбищенской конторой. А через год он получил послушание свечника и был возведен в иеромонаха. По воспоминаниям очевидцев, на богослужения с участием отца Варнавы собиралось множество народа. Для своих проповедей он находил самые простые слова, но почему-то в его устах они приобретали особый смысл. Рос круг его духовных чад, вскоре у дверей кельи отца Варнавы стали появляться первые посетители. Еще через некоторое время иеромонах Варнава был избран членом Духовного Собора и назначен на один из ключевых административных постов лавры – пост казначея.

Иеросхимонах Серафим

В редкие свободные часы отца Варнаву видели в библиотеке, ночи же он проводил в молитвах. Для многих оставалось тайной, когда же он спал, потому что свет в его келье горел до рассвета...

В 1926 году архимандрит Сергей ввиду преклонного возраста и сильной болезненности сложил с себя обязанности духовника. Когда его спросили о преемнике, отец Сергей без колебаний назвал имя иеромонаха Варнавы. Так всего за несколько лет Муравьев прошел путь от пономаря до духовника главного монастыря России, в обязанности которого входило исповедовать членов епископата трех епархий – Петроградской, Олонецкой и Новгородской! Но перед этим отец Варнава решил принять великую схиму, что означало и принятие нового имени. Инок Варнава превратился в схимника Серафима...

«Многие великие подвижники благочестия подражали в своей жизни кому-либо из прежде просиявших святых, например: преподобный Макарий Великий подражал святому Антонию Великому, святой Иоанн Златоуст подражал святому апостолу Павлу, преподобный Нил Сорский – преподобному Ефрему Сирину, – пишет В. Фи лимонов в своей замечательной книге «Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа». – Василий Муравьев был верным ревнителем преподобного Серафима Саровского... Приняв в схиме имя преподобного Серафима, он не раз признавался, что чувствует особую близость по духу своего небесного покровителя».

Почти три года был иеросхимонах Серафим духовником лавры. Каждый день по многу часов подряд он принимал исповедь в Свято-Троицком соборе. В те годы главный храм лавры не отапливался даже в холодные месяцы, на стенах часто выступал иней. Священник стоял на холодном полу. Он не заботился о себе. Однажды отец Серафим непрерывно принимал исповедников на протяжении двух суток! У дверей кельи старца также ждали посетители...

В конце 1920-х он начинает исцелять больных. Вот один из случаев. К старцу привели женщину, страдавшую от беснования: в храме ее начинало трясти, и она даже не могла поднять руку для крестного знамения. Увидев ее, Серафим сказал: «Давайте вместе помолимся», – и встал на колени перед иконами. После молитвы он взял масло из лампы, горевшей перед иконой Божией Матери, и крестообразно помазал болящей лоб. Женщина тут же упала и стала неестественно корчиться. Раздался грубый, душераздирающий собачий лай. Старец быстро накрыл голову страждущей епитрахилью и стал читать молитву. Больная стала утихать, а затем и вовсе успокоилась; когда она пришла в себя, то уже была здорова...

Собственное его здоровье в эти годы резко ухудшается. Врачи ставят диагноз: межреберная невралгия, ревматизм и закупорка вен нижних конечностей. Боли в ногах становятся просто невыносимыми. Однако Серафим никому не говорит о них и продолжает свое служение людям. Глядя на его спокойное, озаренное тихой радостью лицо, никто и не подозревает о его муках. Только голос батюшки иногда становится едва слышным... Подумать только! Не так уж давно – в 1891 году умер великий российский старец – преподобный Амвросий Оптинский. Страдая от жестоких болезней, он непрерывно принимал людей, вразумлял и исцелял, а про себя говорил, что «иноки не должны лечиться». Теперь такой же подвиг совершает лаврский духовник Серафим... Но вот приходит день, когда ноги отказываются повиноваться ему. Болезнь старец принимает с удивительным спокойствием: «Я, грешный, еще не того достоин! Есть люди, которые и не такие болезни терпят!» А болезни его все прогрессируют. Появляются застойные явления в легких и сердечная недостаточность. Медики настоятельно советуют уехать из города. Но старец отказывается покинуть лавру... И все же ему приходится проявить смирение: митрополит Серафим Чичагов, в миру имевший профессию врача, узнав о заключении медиков, немедленно благословляет переезд в Вырицу. (Под Петербургом это один из немногих климатических курортов.) К лету 1930 года старец навсегда покидает город Святого Петра. Вскоре в Вырицу устремляется непрерывный поток его духовных детей, ищущих совета, утешения, облегчения телесных страданий. Прикованный к постели старец будет принимать посетителей еще почти двадцать лет, до самой своей блаженной кончины в апреле 1949 года.

Отче Серафиме

Однажды к Серафиму из Ленинграда выехали тетя с племянником, мальчиком десяти лет. По дороге Саша, по обыкновению, кривлялся и шалил. Мальчик вернулся в Ленинград из эвакуации в крайне истощенном состоянии, с пороком сердца и очень неустойчивой нервной системой. Врачи не ручались, что он доживет и до сорока лет. Физическая неполноценность вызывала неполноценность нравственную: в семье и среди знакомых Саша вел себя безобразно – дерзил, передразнивал людей, а среди сверстников чувствовал себя неуютно. Когда тетя сказала ему, что, войдя в келью, нужно будет преклонить колени, он грубо отказался... Впоследствии Александр Альбертович Савич, инженер-гидролог, вспоминал: «Едва я приблизился к диванчику, на котором полулежал батюшка, как он тут же предложил мне (а не тете) присесть на стул. Я сразу понял, что отец Серафим имеет представление о состоявшемся в дороге разговоре... Я тут же опустил на колени и получил благословение. Старец очень ласково поговорил со мною, а тете сказал: «Нравится мне этот мальчик!»

Меня наполнило ощущение необыкновенной радости и любви ко всему миру, не покидавшее меня и во время обратной дороги, весь остаток дня и в течение последующих дней...»

С того дня здоровье Саши быстро пошло на поправку. Полному выздоровлению предшествовал фурункулез – видимо, вместе с гноем выходили какие-то внутренние болезни. Саша ходил весь в бинтах, но никакой болезненности не ощущал... Окрепнув, он стал в свободное время играть в футбол, а в плавании даже достиг разрядных нормативов того времени. «У меня появилось много друзей, в том числе и очень близких, – вспоминал Александр Альбертович. – Главнейшим же следствием самого первого посещения отца Серафима оказалось то, что я в тот же день твердо и на всю жизнь стал верующим православным человеком...!»

А вот другой случай тех лет. В годы блокады семья Сошальских жила в Ленинграде. До войны Зоя Сошальская часто бывала в Вырице; во время бомбежек и артобстрелов она взяла за привычку мысленно, а то и вслух повторять: «Батюшка отец Серафим! Спаси-помоги!» После снятия блокады при первой же возможности она отправилась к старцу. Придя в его дом на Майском проспекте, Зоя первым делом спросила: «Батюшка, ты меня, наверное, уже забыл?» Старец с доброй улыбкой откликнулся: «Где уж тебя забудешь! Надоела мне, кричавши: спаси-помоги, отец Серафим!» Побеседовав с Зоей, старец благословил ее на принятие монашества в Пюхтицком монастыре и прибавил: «Будешь еще в Иерусалиме игуменьей...» Но потом добавил: «Нет, хватит с тебя, пожалуй, и послушания казначеи!..» Слова старца в точности сбылись. В 1954 году Зоя Сошальская была пострижена в мантию с именем Викторина. Через год ее направили в Горненский монастырь при Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Здесь она подвизалась почти двадцать лет, а в последние годы несла послушание казначеи.

...Напротив дома № 24 по Пильному проспекту, где несколько лет снимал комнаты отец Серафим, жил Александр Александрович Смирнов. В годы войны его жена Екатерина забеременела. Ей было сорок два года, и она не хотела этого ребенка. Скрыв беременность от мужа, женщина решила искусственно прервать ее. Однажды она зачем-то зашла к отцу Серафиму, а тот как бы невзначай заметил: «Представляешь, Екатерина Александровна, что ныне происходит? Некоторые матери, уподобляясь в жестокости Ироду, становятся убийцами собственных невинных младенцев!» Женщина упала перед ним на колени... Через девять месяцев в семье Смирновых родилась девочка. Серафим сам дал ей имя и назначил крестных.

Удивительные дарования

Ниже мы еще будем говорить о пророческом даре преподобного Серафима, о его необыкновенной прозорливости, о даре исцелять от болезней. Но этим не исчерпываются те дивные дарования, которыми наделил его Господь. Блестяще образованный, отец Серафим был не лишен интереса к науке и мог подолгу беседовать со своими посетителями на сложные темы. Помимо высочайшего интеллекта и всеобъемлющей эрудиции, отец Серафим поражал людей своими необычайными познаниями, дарованными ему от Бога,

В числе его духовных детей были выдающиеся ученые: академик Иван Петрович Павлов, основоположник современной физиологии; академик Владимир Александрович Фок, автор фундаментальных трудов по квантовой механике, электродинамике, общей теории относительности; академик Сергей Павлович Глазенап, выдающийся астроном, один из основателей Русского астрономического общества; профессор медицины Михаил Иванович Граменицкий, один из создателей современной фармакологической школы; биолог Леон Абгарович Орбели, автор многих исследований по физиологии нервной системы и биохимии; профессор медицины Сергей Серапионович Фаворский, известный врач-гомеопат. Вот если бы все те, кто в советские годы поверил лжи о «победе» науки над религией, могли войти в келью вырицкого старца и увидеть, как све-

тила науки преклоняли колени перед скромным схимником! Старец разделял со своими духовными чадами все их удачи и неудачи, помогал, советовал, наставлял на путь христианской жизни. Поучения его были просты, но достигали самого сердца. Такими же простыми и проникновенными были его стихи.

Ночью безмолвные зрители –
Звездочки смотрят с небес;
Тихо, вокруг от обители
Дремлет дивеевский лес...

В сердце схимника всегда жил Серафимо-Дивеевский монастырь, где он когда-то побывал, монастырь, помнящий подвиги великого старца. К Серафиму Саровскому он обращается в другом своем стихотворении, таком же простым и безыскусном.

Молись Благой Царице, великий Серафим,
Она – Христа десница, помощница больным,
Заступница убогих, одежда для нагих,
В скорбях великих многих спасет рабов своих.
В грехах мы погибаем, от Бога отступив,
И Бога оскорбляем в деяниях своих...

Стихи вырицкого старца переписывали друг у друга, заучивали наизусть. Его строки достигали мест заточения и ссылок.

Аскетические подвиги

преподобного Серафима Вырицкого

Святой Серафим Саровский, которого так благоговейно чтит и которому подражал вырицкий праведник, три года питался одной лишь снытью. Еще три года этот великий святой совершал подвиг столпничества, молясь на высоком гранитном камне с воздетыми к небу руками. Вырицкий подвижник подражал преподобному Серафиму не только подвигом старчества.

В понедельник, среду и пятницу старец вообще не принимал никакой пищи, а иногда ничего не ел и по несколько дней подряд. В некоторые дни он вкушал часть просфоры и запивал святой водой, в иные – немного тертой моркови. Крайне редко он пил чай с очень малым количеством хлеба. На звать едой это можно было с трудом. Окружающим казалось, что он обрекает себя на голодную смерть... Принимая порой днем по несколько сотен человек, он ночи посвящал молитве. Домашние не знали, когда он спит, да и спит ли вообще. Свидетелями ночных молитвенных стояний старца были многие из тех, кто оставался ночевать в Вырице. «Бывало, заглянешь ночью в келию батюшки, чтобы узнать – не нужна ли какая помощь, а он, обливаясь слезами, тянет к небу свои прозрачные руки, ничего не замечая вокруг». В течение дня у старца скапливалось множество записок о здравии и об упокоении, которые оставляли посетители. Ночами отец Серафим читал их и молился за всех.

В годы войны Серафим Вырицкий, подражая Серафиму Саровскому, совершает беспримерный подвиг столпничества, молясь о спасении России от супостатов. В саду, метрах в пятидесяти от дома, выступал из земли гранитный валун, перед которым росла небольшая яблонька. В ее ветвях укреплялась икона преподобного Серафима, и перед ней, встав больными коленями на камень, старец возносил Богу свои молитвы – иногда по несколько часов кряду. К тому времени болезни совершенно его ослабили, и передвигаться без посторонней помощи он не мог. К месту моления его вели или несли на руках. Так продолжалось изо дня в день, в любую погоду, в мороз и зной, в дождь и вьюгу...

Временами старец прекращал прием посетителей на сутки или на больший срок, оставаясь в уединении и безмолвии. Эти дни и ночи он посвящал молитвенному созерцанию, восходил в духе в иные миры. Именно в эти дни старец черпал силы для

будущих подвигов, именно тогда он получал высшие откровения. Собранные вместе пророчества Серафима Вырицкого могли бы составить целую книгу; мы коснемся лишь некоторых предсказаний вещего старца.

Прозорливость отца Серафима

В конце 1927 года к духовнику Александро-Невской лавры приехал архиепископ Алексей (Симанский), управлявший тогда Новгородской епархией. Дворянин по происхождению, он очень опасался ареста. «Не лучше ли мне уехать за границу, отец Серафим?» – спросил архиерей. «А на кого вы Русскую Православную Церковь оставите? Ведь вам ее пасти! – последовал ответ старца. – Не бойтесь. Сама Матерь Божия защитит вас». Владыка Алексей тут же успокоился и перестал помышлять об отъезде. Так отец Серафим предсказал владыке Алексею его будущее служение за восемнадцать лет до избрания на патриаршество. Указал лаврский схимник будущему Патриарху и срок его первосвятительского служения – двадцать пять лет.

О прозорливости отца Серафима знали и простые люди. В те годы на исповедь в лавру вместе с мамой часто приходила Елена Николаевна Сергиевская. «Как-то мама пришла к нему на исповедь, где изложила батюшке все свои прегрешения, от детства содеянные, – вспоминает она. – Вдруг старец многозначительно посмотрел на нее, затем произнес: „А ты помнишь, как в детстве, назло подружке, сломала ее любимую расческу?!“, чем привел исповедницу в неопишное смятение. Затем по-доброму улыбнулся и сказал: „Знаю, знаю, что не утаила. Однако, чтобы не забывать, старайся как можно чаще исповедоваться“».

В 1939 году старец уже не давал своим духовным детям благословения на брак. «Никакой свадьбы! Скоро будет великая война!» – говорил он. Жительница Вырицы Мария Афанасьевна Лапина вспоминала, как в один из первых дней войны вместе с дочерью прибежала к домику на Пильном. Серафим коротко сказал им: «Вам необходимо покинуть Вырицу!» Много испытаний выпало на долю Лапиных, конец войны застал их в лагере для перемещенных лиц в Эстонии. Когда они вернулись в Вырицу, то, подойдя к своему дому на Сиверском шоссе, они увидели только груды развалин.

А вот другой замечательный случай. Однажды молодая супружеская пара принесла отцу Серафиму тысячу рублей. Тогда это были очень большие деньги. Серафим их не принял, а благословил отдать первому встречному по дороге на станцию. Этим встречным оказался... вдребезги пьяный мужчина. Молодая женщина растерянно сказала мужу: «Как же нам быть?» Однако тот невозмутимо ответил: «Поступим по словам батюшки...» Как только они вручили деньги этому мужчине, он моментально протрезвел: «Миленькие! Да как же мне вас благодарить! Вы меня от смерти спасли!» Оказалось, что этот несчастный работал в торговле и у него образовалась недостача ровно на такую сумму. Денег дома не было, и ему грозила тюрьма. Он впал в отчаяние и решил наложить на себя руки. Для храбрости порядком выпил...

После войны к преподобному ежедневно приходили десятки и сотни людей справиться о судьбе близких. И он говорил: «Жив твой муж, уже на поезд садится» или: «Не придет, молись об упокоении». Слова его всегда сбывались. Старцу не нужно было о чем-то спрашивать людей, он видел всю их жизнь – и прошлое, и будущее, знал, с чем они пришли к нему. При этом он безошибочно угадывал, кому из приходивших больше требовалась его помощь. Вот один из типичных рассказов.

«На станции никто не хотел говорить, где живет отец Серафим. Время было такое. «Ищи сама», – звучало в ответ... И Господь привел – шла, шла и увидела калиточку, у которой толпился народ. Подошла и спросила: «Кто последний?» Помню, впереди оказался мужественного вида седой полковник. Через некоторое время появилась послушница и, открыв калитку, пустила всех ко крылечку, Стою самой последней и думаю, что на работу опоздать могу. Тогда с этим очень строго было – порою под суд отдавали. Вдруг вышла келейница и говорит: «Кто здесь из Царского Села? Пропустите эту

девушку – ей надо к 14 часам на поезд успеть, чтобы на работу добраться вовремя. Так батюшка велел».

Я вошла в дом. Невозможно описать словами, что охватило меня, как только я перешагнула порог келий и увидела отца Серафима. Ощущение света и благодати, чувство слезного раскаяния и в то же время необычайной радости... Ноги у меня сами подкосились. Упала перед ним на колени и зарыдала, а батюшка мягким и добрым голосом произнес: «Не плачь, не плачь, твой жив и скоро вернется. Я вас в книгу себе запишу и поминать буду». Я поняла, что посетители могли ничего не говорить о себе – отцу Серафиму все было открыто. Такое чудо нам Господь даровал! Я молчала, а он всю мою нерадивую жизнь, которую я уже забыла, в подробностях рассказал. Какой светильник был! Двумя-тремя тихими словами мог на путь покаяния и спасения наставить»¹.

Другие удивительные чудеса вырицкого старца

«Благодатный мир Христов непостижим в своем действии, велика его сила, – пишет В. Филимонов. – Преподобному авве Антонию Великому и преподобному авве Зосиме повиновались львы, преподобному Сергию Радонежскому и преподобному Серафиму Саровскому – медведи. Отцу Серафиму Вырицкому не раз повиновались самые лютые звери – звери в человеческом обличье».

В 30-е годы в дом на Пильном неоднократно приходили чекисты, часто в ночное время. Однажды они снова пришли с приказом арестовать старца и... вернулись ни с чем. Что же произошло? Когда чекисты заполнили комнату, старец, лежавший в углу на своем ложе, попросил подойти к себе старшего из группы. Тот подошел. Серафим заглянул ему в глаза, прикоснулся к руке чекиста, погладил ее, а затем приложил свою руку к его голове и промолвил: «Да простятся тебе грехи твои, раб Божий...» – и назвал в точности его имя. Родные вспоминают, что старший чекист сказал: «Если бы таких старцев было больше, мы бы все стали верующими», – и заплакал. А батюшка, улыбаясь, сказал: «Угостите их чайком».

Отец Серафим считал большевиков несчастными, жалел их и молился за них. Так же он относился и к оккупантам. И его любовь творила чудеса. Достаточно сказать, что в 1980 году поклониться могиле старца приехал бывший гитлеровский офицер, который был здесь в войну, – местные жители еще помнили его.

То, что происходило в Вырице в годы войны, иначе как чудом не назовешь. Представьте себе: ни один из жителей поселка не погиб, во всем селении был разрушен только один жилой дом, действовала церковь. Это был единственный действующий храм во фронтовой полосе, причем по ту сторону фронта!

По молитвам старца Господь помиловал Вырицу. Немцы, заняв поселок, расквартировали в нем часть, состоявшую из... православных. Вырицкая команда состояла из румын, уроженцев восточной ее части, где исповедуется православие, да еще говорящих по-русски!

И вот по воскресеньям в церкви стали стоять солдаты в немецкой форме. Местные жители поначалу косились на них, но потом, видя, как те крестятся и соблюдают чин службы, привыкли...

Во время войны в Вырице произошел еще один поразительный случай. Шестилетний мальчик упал с очень высокого дерева. Он не двигался и не дышал. По всем признакам он был мертв. Его мать на руках отнесла ребенка к старцу. Она рыдала и причитала: «Батюшка! Мой Толик убили!» Отец Серафим сказал: «Положи его». Затем помолился

¹ Рассказ Елизаветы Ивановны Коковисиной, 1914 года рождения, члена Приходского совета Софийского собора в Царском Селе, привожу по кн.: *Филимонов В. Л.* Старец иеросхимонах Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. СПб., 1999.

над мальчиком и благословил. Ребенок встал и через несколько минут уже бегал по улице².

Чудесные исцеления, совершенные отцом Серафимом

В настоящее время собраны десятки свидетельств о благодатной помощи старца больным. Приведу из них два.

«Во время войны я получила сильное ранение в голову, и меня мучили непрерывные головные боли, – вспоминает жительница Вырицы Клавдия Ивановна Печковская. – Врачи ничем не могли помочь. Отец Серафим сказал: «Подойди поближе, сейчас мы тебя вылечим». Он накрыл мне голову епитрахилью и возложил на меня руки. С тех пор я не знаю, что такое головная боль».

Выше уже говорилось, что напротив дома отца Серафима жила семья Смирновых. Однажды, когда Александр отправился на заготовку дров, Серафим велел позвать Екатерину и сказал ей: «Тебе везут тяжело больного, но ты не пугайся, в больницу его не отправляй – Господь все управит». Вскоре привезли Александра – его придавило упавшим деревом. Старец велел туго запеленать его и стал молиться... Через несколько месяцев Смирнов уже мог самостоятельно передвигаться. Как показали рентгеновские снимки, у него зажили сложный перелом позвоночника (!) и переломы нескольких ребер. Временами у него возникали острейшие боли, но отец Серафим всегда помогал справиться с ними. Александр Смирнов глубоко почитал старца всю свою жизнь. Ежедневно в течение семи лет он приходил на могилу старца почтить память своего духовного отца и подлить масла в неугасимую лампаду. Дочь вспоминала, что за день до своей смерти у него возникли очень сильные головные боли. Александр Александрович стянул голову ремнями и пошел проверять лампадку...

Блаженная кончина отца Серафима

В январе 1941 года был арестован и затем расстрелян сын батюшки Серафима Николай Муравьев. Великая скорбь вошла в сердце старца. Вновь услышали родные и близкие: «Буди воля Божия...» Еще через четыре года преставилась схимонахиня Серафима – Ольга Ивановна Муравьева. «Вот здесь и я буду рядышком лежать», – сказал старец, увидев рисунок ее могилки.

Дни самого Серафима также были сочтены – он тяжело и мучительно болел. «Пока рука моя поднимается для благословения, я буду принимать людей», – отвечал старец в ответ на просьбы близких побережь себя. Однако в начале 1949 года здоровье схимника настолько ухудшилось, что он даже не мог отвечать на записки, которые ему передавали через келейницу. В последние годы от лица старца исходил ослепительный свет. Об этом сиянии вспоминают все; взглянув на лик вырицкого праведника, люди невольно зажмуривались, как от вспышки яркого света...

Отец Серафим был извещен о дне и часе своей кончины. За день до смерти он раздал родным и близким иконки преподобного Серафима Саровского и всех благословил. Своей келейнице матушке Серафиме он сказал: «Во время моего погребения береги ребрышки». Это предостережение оказалось пророческим: в день похорон праведника, при большом стечении народа, матушка Серафима из-за сильной давки получила перелом двух ребер.

Ранним утром 3 апреля 1949 года старцу было явление Богородицы. Серафим уведомил родных: «Сегодня никого принять не смогу, будем молиться», – и благословил послать за священником вырицкой церкви. Были прочитаны акафисты

² Случай этот заставляет задуматься, ведь подобное чудо совершали только немногие святые (например, Сергей Радонежский и Иоанн Кронштадтский).

Пресвятой Богородице, святителю Николаю Чудотворцу и преподобному Серафиму Саровскому. Священник причастил старца Христовых Тайн, отец Серафим приказал читать Псалтирь и Евангелие. Ближе к вечеру он попросил посадить его в кресло и стал молиться. При этом он иногда справлялся о времени. Около двух часов ночи отец Серафим благословил читать молитву на исход души и, осенив себя крестным знаменем, умер со словами: «Спаси, Господи, и помилуй весь мир».

Три дня ко гробу праведника шел нескончаемый людской поток. Все отмечали, что его руки были удивительно мягкими и теплыми, как у живого. Некоторые ощущали возле гроба благоухание. В первый день после блаженной кончины старца исцелилась слепая девочка. Мать подвела ее ко гробу и сказала: «Поцелуй дедушке руку». Вскоре после этого девочка прозрела. С тех пор чудеса на могиле старца не прекращаются, они происходят и в наши дни.

Пророчества о судьбах России

Отец Серафим предвидел великую войну (об этом помнят очень многие из его духовных детей) и то, что она закончится полной победой русского народа.

Своим духовным детям старец не раз говорил, что наступит время, когда на Руси начнется возрождение храмов и монастырей. Около 1939 года, в самый разгар сталинских гонений на Церковь, он пишет свое знаменитое стихотворение:

Пройдет гроза над Русскою землею,
Народу русскому Господь грехи простит,
И крест святой Божественной красою
На храмах Божиих вновь ярко заблестит,

И звон колоколов всю нашу Русь Святую
От сна греховного к спасенью пробудит,
Открыты будут вновь обители святые,
И вера в Бога всех соединит.

Старец предсказывал скорое возрождение Троице-Сергиевой лавры, говорил о том, что Церкви вернут и Серафимо Дивеевский монастырь, и Александро-Невскую лавру. При этом он упоминал, что сперва государство вернет Церкви как приходской храм Свято-Троицкий собор, а уже затем, через много лет, всю лавру передадут монашествующим.

В 1947 году отец Серафим однажды обмолвился: «Французская булочка, которая сейчас стоит 70 копеек, будет стоить 7 копеек, и так все продукты». Так он предсказал денежную реформу 1961 года.

В далекие сороковые старец говорил, что со временем Ленинград опять переименуют в Санкт-Петербург, а по радио будут петь молитвы. Но будущее не виделось ему в розовом свете. «Если русский народ не придет к покаянию, может случиться так, что вновь восстанет брат на брата», – предсказывал он.

Не в наши ли дни сбывается это предсказание?

Вырица

Вырица – это небольшой поселок к югу от Петербурга. Возвышенная местность, вековой смешанный лес с преобладанием хвойных пород, сухая песчаная почва, целебный воздух – все это делает Вырицу одним из местных климатических курортов. Здесь протекает Ордеж, речка с очень живописными берегами. Во время войны в Вырице напротив Казанского вырицкого храма, на другом берегу реки, возник небольшой скит, где под руководством схиигуменьи Херувимы подвизалось несколько монахинь. (Одна

из них – монахиня Серафима – была келейницей старца.)

В Вырице сохранились все три дома, где жил отец Серафим. Хорошо выглядит дом № 16 по Ольгопольской улице, который батюшка снимал в 1930 году. Близок к разрушению, но пока еще стоит дом № 7 по Пильному проспекту, принадлежавший семье провизора В. Томберга. (Часть этого дома отец Серафим снимал с 1931-го по 1945 год.) В саду на Пильном сохранился и гранитный камень – место аскетических подвигов старца. В хорошем состоянии, во всяком случае выглядит достаточно крепким, дом № 39 по Майскому проспекту, где старец снимал несколько комнат с 1945-го по 1949 год.

Старец предсказывал, что со временем в Вырице будет монастырь. Но пока монастыря нет, и главной архитектурной достопримечательностью поселка является вырицкий храм, освященный 6 июля 1914 года в честь Казанской иконы Божией Матери. Эта деревянная, сложенная из бревен церковь была возведена к 300-летию дома Романовых, а освящал ее святой Вениамин Петроградский. Архитекторам храма В. Р. Апышеву и М. В. Красовскому в начале XX столетия удалось

создать церковь в древнем стиле русского зодчества. Часовня над могилами отца Серафима и матушки Серафимы (Ольги Ивановны Муравьевой), также в русском стиле, построена рядом, внутри церковной ограды.

1 октября 2000 года, при большом стечении народа, в вырицком храме была совершена торжественная служба, посвященная прославлению преподобного Серафима в сонме святых. К лику угодников Божиих старец был причтен решением Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви.

Более полувека назад вырицкий подвижник предсказывал;

«Придет время, когда не гонения, а деньги и прелести мира сего отвратят людей от Бога, и погибнет куда больше душ, чем во времена открытого богоборчества. С одной стороны, будут воздвигать кресты и золотить купола, а с другой – настанет царство лжи и зла. Страшно будет дожить до этих времен».

Отче Серафиме, моли Бога о нас!